

Ночь в мертвом городе.

Было вечер и быстро темнело, когда мы вышли из Бресты, городок неподалеку от Лодзи. В автомобиле нас было четверо: мой постоянный товарищ в поездах Ф., поэт А. М. Ф., журналист С. и я. Мы были достаточно утомлены, так как двое суток почти не выходили из автомобиля, объезжая «театр военных действий». Все четверо мы одинаково мечтали о каком-нибудь приютище на ночь, где можно было бы найти костер и чай, без особой уверенности, что наши мечты исполнимы. Заглянув на первом углу правдоподобного солдата, мы обратились к нему с расспросами, пить ли в городе водички?

— Гостиница? — переспросил солдат, — а зачем вам гостиница? Идите в любой дом. Если квартира открыта и никого в ней нет, так и занимайте ее. Здесь всё так делается.

Конечно, «что город, то порох», но исследовать советские солдаты мы не ушли. Наш автомобиль опять застрял на перпендикулярной мостовой в полках огня. Протяжешь ожидания, Брестинцы оказались довольно большими городом. Улицы были в ряд обставлены многоэтажными каменными домами. Встретились здания ватной арду-тектуры; дома были видны старинный, большой гостель. Но ужасная безжизненность царил кругом. Магазины были глухо залеплены, и их окна закрыты щитами или забиты досками. Нигде в домах не было заметно никакого признака жизни. Невеселенная была беззвучно говорить, что квартира пуста. Кое-где на входных дверях висели тяжелые замки, но чувствовалось, что и другие двери, без замков, не открываются. На базарной площади, около заколоченного круглого здания рынка, как-то растерянно толпились два-три группы евреев. Над одним из них вихлял старик, продавая на лотке какие-то бананы. Потом, так и сажь, шли солдаты, и больше на улицах не было никого. Вправо, заповедный нами галльский Ярсонг представлял картину мертвого безделья, чья-то выможденная душа Бресты.

Мы обшли ряды домов и спускались в низкую долину. Часть из этих домов можно было проехать еще по стертым, едва слышимым извещаям: «Mesure», «All Divis», «28 Regim» и т. п. Нигде на нас ступило не откликнулось. Становилось почти жутко: словно мы — в каком-то мертвом городе, в средневековой Флоренции, опустошенной чумой. Неужели эти сотни домов всё пусты и никто не живет в них?

Наконец, мы остановились перед дверью, за которой, по всем указателям, должен был быть похититель «театр Польский». Ни у подъезда, ни на двери не было никаких вывесок. Мы опять стали стучаться, и на этот раз дверь открылась. К нам вышла милочная девушка-полька, одетая просто, как служанка, и, выслушав нас, решительно заявила, что никакого отела здесь нет. Из ее слов вышло, что здесь — частная квартира.

— Три пана здесь живут (жизнь) — говорила она. В полночь ушли мы уже готовы были удаляться. Вдруг кто-то из нас удалился, в чей-то дом, и вернувшись, начал объяснять девушке, что мы не намерены занимать похищение даром, что мы за комнаты заплачем, как хорошие постояльцы. Девушка изумилась. Приказание в Бресте, в этот город, и кто-то будет платить за занятия номера деньги, как в прежние времена! Это было так необычно! Поколебавшись немного, она растворила дверь и впустила нас в комнату.

«Гость» оказался северной провинциальной гостиницей, но все же в «кухоньке» были и столы, и кровати, и умывальники, даже полузакопанные вазы в полочках коридора. Только холод стоял в этих комнатах жестокий; топлены они были в последние годы, вероятно, недвоя три тому назад, и вряд ли в них было больше 5-6 градусов тепла: не только в комнатах, но и в коридорах. Не было ни света, ни воды. После наших долгих настояний девушка согласилась достать нам три свечки, по 20 коп. за штуку, и налить воды в умывальники. Завтрак выдался, что еще мы можем получить кашку в чайник, и ничего больше.

Но больше ничего нам и не оставалось желать! У нас была с собою кое-какая провизия, шоколад, яблоки. В чайник мы заварили чай, который подавала нам та же милочная служанка, которая отсутствием выдалась (она была в Варшаву),

была и молной хозяйкой в комнате. В перспектив были и наст хота и холодная, но все же «настойка» по столу, с подушкой, простыней, одеялом. Не всегда любознательные наблюдатели, забывающие «театр военных действий», получают все это на ночь, и мы чувствовали себя хорошо и весело. Ф. занялся рассматриванием карты, выданная нам дальний путь. С. записывал на блок-нот вычисления минувшего дня, а мы с А. М. Ф., вспоминая дни юности, обменивались шуточными советами-экспромтами.

Но, как-то забыв, чтобы напомнить нам, где мы, на оканчиваясь, и восторженно стали рассуждать о глупых и мрские глупы оружий палубы. Тажемы звуки, словно отдаленный гром, потрясли воздух. Было ясно, что где-то по близости от города завязывалась артиллерийская бой. Мы выбежали на улицу. Над крышами домов так же жарко небо озарилось розоватыми вспышками, словно отдаленных молний. Приселки зарина, потом проглотить рыдать в слезы; минуту — все тихо, и опять то же самое... Это наши батареи обстреливали пленные, шедших в ночную атаку на наши позиции. Нам везло: представлялись сирены и грязные окопы, где теперь солдаты, неразделавшись по дв., по три недели, по месяцу «осужены» в несколько часов, завернувшись в шинель, на токой земля, должны одурствовать всю ночь, отстреливаясь, отбивая, может быть, штыками и танками упрямого врага. Над представилась гд гуды мертвых тель, которая столько раз приходилось нам видеть на ярмах окопов; раненые, позажив в перевозочному пункту; врачи, охватывающие от непосильной работы... И, когда мы вернулись в свои комнаты, на которых только-что так радовались, у нас уже пропала охота шутить и общиваться с егерями; нам почти стыдно было приговаривать для нас постелей, с бальем сомнительной свежести.

Вскорь мы могли наглядно убедиться и на других примерах, что Брестинцы — далеко не место веселья. Мгд понадобилось немного югу. Литеры в город были закрыты, так как пленные «реквизировали» в них все медикаменты, но наша бойкая горничная-каляка, знавшая Брестинцев «свои пять пальцев», посоветовала нам обратиться в соседнюю квартиру, занятую г. К., канцеляристом и его женой. Г-жа К. оставалась в своей комнате, сама бывавшая в Варшаву,

и только у нее во всем городе можно получить лекарства (ветята сказать, тогда торговал в частых аптеках — характерное явление в опустошенных городах; в Бресте мы приобрели потом живую повозку, платили также в частной квартире, где охраняли остатки товара от разграбленного пилками мануфактурного совету и поступался у дверей К. Так состоялось наше знакомство с ней, и оно позволило нам заглянуть в интимную жизнь обывателей города, воочию представить себе, что они пережили за три страшных месяца.

Обстановка в квартире К. оказалась, что здесь живут люди интеллигентные. На стенах висели хорошие гравюры и литографии. На этажерке и на столах было расставлено много книг; среди них и захватил сочинения любимых мною авторов: Ром де-Гурмона, Пьера Лужа, Валериана, Водовица и др. Меня К. встретила не столько как попутчика, сколько как желанного гостя, усадил на стол, пригласил чаю... В течение многих недель они не выдвигали никаких, кроме изумительных и заумных объяснений своего характера да официальной «действующей» армии, столь отрывавших от остального мира, как они сами. Видя человека, приехавшего прямо из Варшавы, привезшего с собой «новое» (вышедшее пять дней тому назад) в номере столичных газет, казался К. столь же необычным, как служанка нашего отела — гость, готовый платить за квартиру коммату! И, конечно, К. трудно было преодолеть желание со таким человеком поговорить, распространить его, что делается «на свете», а, главное, высказать ему, что он здесь выстрелил. Через несколько минут мы уже беседовали, как давние знакомые, и г-жа К., буквально со слезами, держа руки, спрашивала меня:

— Боже мой! Когда же это все кончится? Надо представить себе ту жуткую обособленность, в какой оказываются города, как Бресты, безразлично насколько они в сфере военных действий и переходящие из рук в руки (Брестинцы были заняты немцами «обидеть» раз). Всякая связь с большими центрами обрывается; газет жителя не выдают по письмам неделями и о том, что происходит в действительности, не имеют никакого понятия; зато возникает и циркулирует неслыханная слухи, опять безразлично друг от друга. То под городом, то в самом городе постоянно идут бой; сараи

перелетают через дома, приносят лопатки над крышами, пули свистят на улицах; надо прятаться в погребах и там «отсиживать» по кланам сутками, в темноте, и хоть бы что-нибудь удобства культурной жизни отсутствуют; недостаёт хлеба, нехватка обивать дома и отапливать их; папирсы или яблоки становятся предметом роскоши. А в дни, когда города бьются в руках неприятеля, приходится еще понести сознание своей полной беспомощности перед наглым врагом, без протеста свертывая на совершенные или глупости (много их было слышано из уст жителей Брестинцев!), терпеть унижения, отдавать свои вещи первому встречному офицеру, который их требует под видом реквизиции или добровольного подарка! Что же ужаснейшего, что человеческие нервы не выдержали такого напряжения, длившегося месяцами; и что г-жа К. плакала предо мной, совершенно ей посторонним человеком.

— Мне иногда кажется, — говорила мне она, — что прежней, обычной жизни не осталось нигде больше, так я от нее отыгнала. Неужели, в самом деле, есть города, где люди не делают ежедневно за свое существование, не делают дни и ночи провалять в постелях, могут не ожидать каждую минуту, что вот — войдет немец и заберет из ваших столов и комодов все, что ему понравится! Неужели все еще есть счастливые, которые каждый день получают газету, имеют много хлеба и свеч, не слышат в 24 часа в сутках пальбы, от которой глухошь, и могут когда угодно уехать из города! Мне теперь это все кажется сказкой!

Да, надо помнить то, что испытала жителя Бресты, чтобы понять, как можно образоваться «свёжому» человеку!

Когда и попристелился к товарищам, со мной вместе пришел и г. К., который не мог преодолеть желания — поговорить со всеми, приехавшими «в мир жизни». Одновременно пришел к нам в стель и известный фотограф, г. Р., так как мы обмолвились (в разговор с служанкой), что желаем бы видеть фотографии, снятые с немецких солдат. Потом пришло, под какими-то предлогами еще несколько человек, так что наши истощенные комнаты обратились как бы в маленький клуб. Каждому хотелось познакомиться, спросить, что мы делаем нового, и самому рассказать о пережитом. Все шло своим чередом, но в одиночестве; всем казалось, что, пережив новому, чужому человеку свое скорбное повествование, как бы обрести с себя половину гнетущей души тютюти...

Рассказы сбились в рассказы. Вся история Бресты за три месяца произошла перед нами, почти день за днем. Фотографы повествовали обстоятельно, указывая точные даты, называя имена, приводя названия полков. Г. К. сумрачно и отрывисто передавал отрывочные эпизоды. Бойки и прасочко описывал (по-польски); некоторые события назвал служанка, вторая, на правах полу-хозяйки отдал, вертелась тут же. Другой поправил говоривших, дополнял их рассказы, приводил новые факты, в параллель к сообщенным... И все, что нам рассказывали, было одним ужас, сплошной кошмар, но кошмар, что называется современной войной.

В присутствии стольких свидетелей очевидцев, говоривших с дрожью в голосе, с порывами негодования, могли ли мы не поверить тому, чему все еще не хочется поверить окончательно, что немцы — варвары, что есть такой жестокий и такой гнусности, которую немцы было бы ожидать от них! Нам рассказывали, как немцы выбрасывали русских раненых из лазаретов, добивали пленных казаков, оскорбляли сестер милосердия, называли их «проходными» по улицам жидкими, брали наганным, воровали частное имущество... Только два-три факта, говоривших о неподдельном мужестве пленных, об их готовности умереть ради торжества своего дела, оскорбляли скривились безотрадную картину. Иметь мы не могли права сомневаться в истинности этих рассказов, отнестись к ним на счет разстрелянных первых рассказчиков. Мы должны были без споров признать горестную действительность.

Наша беседа затянулась долго, и, уставшая с нашими новыми знакомыми, мы остались под тягостным впечатлением слышанного. Теперь нам стало понятно, почему так пустыни Брестинцы, почему магазины брошены в дым, а дома — обывателями, почему так уныло растеряны немцы оставшиеся в городе жители. Три месяца «в сфере военных действий», — это обратило Брестинцы в мертвый город, заставляло всечь, у кого была хоть малейшая возможность, бежать из этого полого круга. Да, бежать, бежать все равно куда, в Варшаву, в Минск или даже без определенного плана, без приютища вперед, только бы прочь отсюда! Можно быть храбрым в бой, можно безотрешно встретить смерть, можно с достоинством стерпеть оскорбление, но имея возможности на него ответить; но ни у кого не достает сил и желания и желаниями

жить под угрозой смерти и под угрозой постоянной всеоблагодетельности унижений; а именно это и было участью жителей Бресты.

Ванюша не смог, когда мы дожились спать. Завернувшись в шубы, мы постарались заснуть в надутой студеных постелях. Усталость, наконец, преодолела холод и заставила нас на время позабыть и палубу под городом, и жестокие повести брестинцев.

Утро следующего дня было ясное, светлое. Небо сияло, как в дарах. Пушки стихли. Одну минуту хотелось думать, что вчерашние впечатления — лишь дурной сон. Но они все же живо воскресли перед нами потому что наши новые знакомые, с раннего часа уже стали стучаться в наши двери. Все напором предлагали нам различные услуги. Принять фотограф с заинтересованным нас взглядом. Кто-то принес нам, как дар, вежливый прощальный поцелуй, которую ввиду разрыва связи с Варшавой, и номер агитационной газеты «Виса», издававшейся краковскими «стрелками», которую тоже раздавали жители Бресты. Г-жа К. пригласила нас к себе завтракать. Ее муж предлагал нам разные варианты в пути: вещи, бензин для автомобиля, сифон содовой воды, яблоки...

Мы торопились, и у нас не было времени для новых бесед. Наскоро позавтракав у К., мы поспешно взяли свои вещи в моторы. Наши знакомые стояли на тротуарах, провожая нас. Должно быть, нам казалось, что с нашим отъездом опять обрывается их связь с остальным миром, мертвый город опять замыкается вокруг них.

— Не забывайте нас! — кричала г-жа К. Шюффер засмеялся; автомобиль трепещущим слышанием. Теперь нам стало понятно, почему так пустыни Брестинцы, почему магазины брошены в дым, а дома — обывателями, почему так уныло растеряны немцы оставшиеся в городе жители. Три месяца «в сфере военных действий», — это обратило Брестинцы в мертвый город, заставляло всечь, у кого была хоть малейшая возможность, бежать из этого полого круга. Да, бежать, бежать все равно куда, в Варшаву, в Минск или даже без определенного плана, без приютища вперед, только бы прочь отсюда! Можно быть храбрым в бой, можно безотрешно встретить смерть, можно с достоинством стерпеть оскорбление, но имея возможности на него ответить; но ни у кого не достает сил и желания и желаниями

В предвечье мы встретили знакомого офицера. Он сообщил нам, что немцы в эту ночь упрямо наступали на наши позиции, во время нападений на наши позиции, во время нападений на наши позиции, во время нападений на наши позиции. На этот раз по крайней мере, гроза полого вражеского наступления миновала Бресты!

Валерий Брюсов.
30-го ноября, Варшава.